

GEHEIM

Reichssicherheitshauptamt
Abt. III/2

Akte Nr. 47/36

Michail Tuchatschewski

Archiv Nr.
32874-A

Сергей Гирченко

КРАСНЫЙ БОНАПАРТ

«Автор»

2026

Гирченко С.

КРАСНЫЙ БОНАПАРТ / С. Гирченко — «Автор», 2026

В центре повествования — судьба доктрины глубокой операции Михаила Тухачевского. Идея массированного удара танков и авиации на всю тактическую глубину опередила время, но оказалась сильнее своего создателя. Сюжет строится на пересечении двух судеб. Первая линия посвящена автору теории: за свой прорывной взгляд на войну Тухачевский обвинён в бонапартизме и расстрелян в 1937 году. Вторая линия демонстрирует триумф его идей: именно по этим лекалам Георгий Жуков выигрывает ключевые сражения Великой Отечественной войны — от Халхин-Гола до взятия Берлина. Кульминационная ирония истории замыкает круг: через двенадцать лет после Победы Никита Хрущёв снимает самого Жукова со всех постов, предъявляя ему то же обвинение в бонапартизме. Система дважды наказывает тех, кто несёт масштабную мысль: одного — смертью, другого — опалой.

© Гирченко С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

КРАСНЫЙ БОНАПАРТ

Глава 1

Осень 1930. Итальянский курорт Меран.

Курортный покой дышал усталостью.

Дорогим английским табаком.

Горькой альпийской хвоей.

Меран принимал лёгочных больных со всей Европы и тех, кто просто хотел скрыться от берлинской суеты или римского официоза.

Тухачевский приехал в безупречном английском костюме, который сидел на нем превосходно, но широкие плечи и привычка держать голову чуть выше собеседника всё равно выдавали военного.

В «Бристоле» его ждали.

Полковник Людвиг Бек не был дипломатом. Сухой, с лицом аскета и взглядом старого проповедника. Он принадлежал к той редкой прусской выучке, что умела думать поверх параграфов устава и потому была неудобна любой власти. Бек говорил по-русски с расстановкой, без ошибок. В Берлине это было редкостью.

На столике остывал кофе. Фарфоровые чашечки были слишком хрупкими для их рук. Между ними лежала развёрнутая карта Западной Европы — обычная, туристическая, купленная на вокзале, но уже исчерченная тонкими карандашными стрелами.

— Я изучил вашу доктрину, — ложечка тихо звякнула о край чашки. — Это не реформа. Это переворот.

— Любая настоящая война и есть переворот, — ответил Тухачевский.

Он наклонился над столом. Палец лёг на франко-бельгийскую границу.

— Смотрите. Линия Мажино. Французы только начали закапывать миллиарды в бетон. Они заперли себя сами, даже не достроив стену. Обход здесь, через Бельгию. Арденны считаются непроходимыми — но танковые клинья могут пройти там за трое суток.

Бек повертел чашку в пальцах, отпил немного, словно пробуя на вкус услышанное.

— В Париже уверены, что там непроходимый лес, — продолжал Тухачевский. — Там стоит лёгкая пехота. Почти без артиллерии. Если вы решитесь, заслон падёт за три дня.

Тень от портьеры делила лицо Бека надвое.

— А дальше? Глубина?

— Бросок к Ла-Маншу. Окружение английского экспедиционного корпуса. Франция рухнет раньше, чем успеет развернуться.

Бек долго смотрел на карту, поднял глаза.

— Вы слишком уверены, Михаил Николаевич. Риск огромный.

Тухачевский достал портсигар, раскрыл его, провёл пальцем по папиросам и снова защёлкнул крышку.

— Это не план, господин полковник. Это направление мысли.

Бек посмотрел на него внимательно.

— В Берлине о вас говорят слишком много.

— И что говорят?

— Разное.

Тухачевский усмехнулся одними губами.

— Опасное направление, — продолжил свою мысль Бек.

— Все новые направления сначала кажутся опасными.

Бек отпил кофе.

— Осень двадцать девятого. Бобруйские манёвры, — Тухачевский перешёл к аргументам. — Ваши офицеры из рейхсвера тогда слишком внимательно смотрели в бинокли. А потом этот план удивительным образом оказался в Берлине.

Бек поставил чашку на блюдце.

— Продолжайте.

— Важно другое — сама логика работает. Риск — остаться в прошлом, полагаясь на старые учебники.

Разговор пошёл без дипломатии — по сухим рельсам военной логики.

О темпах.

О плотности огня.

О войне, где побеждает не масса солдат, а скорость принятия решений.

— Вы предлагаете танковым армиям полную самостоятельность? Почти отрезать их от пехоты?

— Да.

— Это ломает всю классическую школу.

— Согласитесь, что пора сдавать её в архив.

— Она устарела, — согласился Бек и впервые за вечер улыбнулся. В улыбке было больше усталости, чем веселья. — Кажется, у нас с вами одна беда, Михаил Николаевич. Генералы прошлого.

— У нас в Москве до сих пор верят в кавалерийскую лаву и тачанку, — сухо ответил Тухачевский. И добавил тише:

— И эти люди считают, что могут строить армию будущего.

За окном по брусчатке простучали колёса. Звуки этого города принадлежали прошлому веку.

— Вы опасны, Михаил Николаевич, — сказал Бек. — И прежде всего — для своих. Ваша доктрина требует слишком смелых единомышленников. А власть предпочитает исполнительных.

— Удобных людей всегда достаточно, господин полковник. С теми, кто прав, властям куда труднее.

Бек глянул на часы, поднялся. Кивнул по-военному, сухо — и направился к выходу. Тухачевский смотрел ему вслед. Заметил: Бек слегка прихрамывал на левую ногу.

Бек растворился в тихих коридорах отеля так же незаметно, как появился, оставив после себя едва уловимый, почти неуместный здесь запах Брокара — терпкую ноту дорогой бергамотовой воды и старого сукна. Этот аромат был его молчаливым знаком уважения, паролём для того, кого он считал равным.

Тухачевский вышел на балкон. Свежий, колющий горный воздух ударил в лицо. Внизу лежала Италия.

За Альпами начиналась Германия.
Ещё дальше — Россия.

На мгновение ему пришла простая мысль: профессиональные военные понимают друг друга легче, чем политики. Он постоял ещё немного и вернулся в номер.

На столе лежала рукопись «Новые вопросы войны». Он сделал несколько пометок на полях и закрыл папку. Утром предстояла дорога.

Глава 2

Лето 1936. Москва, Тушинский аэродром

Тухачевский готовил смотр не для газет.

Он хотел показать тем, кто решал судьбу армии, что война уже изменилась. Кто не поймёт — будет платить людьми.

Над полем стояла жара.

Пахло касторкой, бензином, нагретой пылью.

На левом фланге — новые машины БТ-7, плосколобые, нервные, ещё не обкатанные до конца.

На полосе — И-16, курносые, быстрые.

Парашютисты сидели на траве, шутили, смеялись. Они ещё не знали, что первыми пойдут в огонь.

Ворошилов пришёл с нарочитым опозданием. Шёл широким кавалерийским шагом, оглядывая технику хозяйским взглядом. На лице — уверенность человека, который привык командовать людьми, а не машинами.

— Хороша машина, — Ворошилов хлопнул ладонью по броне.

На пыли остался отпечаток.

Тухачевский стоял рядом — выточенный, неподвижный.

Подошёл к наркому чеканным шагом, остановился ровно в метре, вскинул ладонь к козырьку. Голос — ровный, уставной:

— Товарищ Народный комиссар обороны! Докладываю о готовности частей и соединений к проведению показательного тактического учения с боевой стрельбой и высадкой воздушного десанта.

Перечислил состав групп — сухо, точно, как на разборе.

Ворошилов кивнул:

— Начинайте.

Сигнал ракеты разорвал тишину.

Танки рванули с места.

Они не шли — летели, ломая привычное представление о войне. На скорости заходили во фланг, разворачивались на одном гусеничном крыле, уходили клиньями в глубину обороны.

Это был не парад — удар.

В небе раскрылись парашюты. Белые купола повисли цепочкой.

Самолёты прошли так низко, что воздушная волна пригнула траву.

Смотр закончился быстро — слишком быстро для тех, кто привык думать шагом конного перехода.

Ворошилов взял Тухачевского за локоть — резко, почти грубо — и увёл в сторону от трибуны. Там, где их не могли слышать свои и иностранные наблюдатели.

— Не пойму я тебя, Миша... — сказал он тихо. — Что ты этим хотел сказать? Опять твои моторы, скорости... Армия — в людях. В преданности делу. — Он наклонился ближе. Пахло тройным одеколоном и табаком. — И с немцами у тебя... слишком душевно. С их Гаммерштейном и Беком, говорят, в Женеве по углам шепчетесь. Языком не бережёшься. Смотри, на Лубянке живо мозги вправят.

Слова были сказаны как бы между прочим — но удар был точный.

Тухачевский ровным голосом:

— Товарищ Народный комиссар, вы только что при свидетелях сказали вещи, которые требуют либо доказательств, либо извинений.

Ворошилов сорвался:

— Я лишь напомнил! В армии политическая надёжность важнее твоих танков, чёрт тебя... Нет в тебе нашей рабоче-крестьянской жилки. Нет!

Тухачевский ответил без тени уступки:

— В армии важна победа, Климент Ефремович. Всё остальное — после неё. — И не давая подумать: — Разрешите идти, товарищ Народный комиссар. По плану — разбор учений.

— Идите, — отмахнулся Ворошилов. Резко стряхнул папиросу в пыль и раздавил носком сапога — коротко, зло, будто ставил точку.

Тухачевский ушёл не ускоряя шаг.

Ворошилов остался на полосе. Пыль от гусениц легла на его петлицы серой пудрой.

— Наполеончик... чёрт тебя... на мою голову, — процедил он сквозь зубы.

В машине Тухачевский закрыл глаза.

На секунду захотелось вернуться. Положить перед ним графики ещё раз. Но машина уже мчалась к Москве.

Глава 3

Лето 1936 года. Москва. Кремль. Кабинет Сталина.

В кабинете было тепло, по-хозяйски.

Тяжёлые шторы наглухо отсекали московский свет. Лампа под зелёным шёлковым абажуром отбрасывала ровный круг на сукно стола. За его пределами всё тонуло в полутьме.

Пряный дух табака давно въелся в эти стены, в папки, в сукно стола, в сам воздух кабинета.

Сталин ходил мягко, почти неслышно, покуривая трубку.

Ворошилов вошёл тяжело. Паркет скрипнул. Он потянул пальцем жёсткий воротник френча. Вдруг показался тесным, будто врезался в шею. Обида, вспыхнувшая ещё на тушинском смотре, требовала выхода. Но говорить Сталину о собственном унижении было опаснее, чем молчать.

— Он ведь заигрался, Коба... Ворошилов тут же спохватился. — Иосиф Виссарионович... Заигрался он. Машины у него, танки. Моторы. Парашютистов навывдумывал. Игрушки. А человека за всем этим не видит. И страшнее всего, Иосиф Виссарионович, что люди его слушают. Уже не нас с тобой — его.

Машинально взялся за спинку стула, но так и не сел.

— Кавалерию мою музеем обозвал. Издевается. Свысока. Замашки барские.

Ворошилов осёкся. Во рту пересохло. Отвёл взгляд и только тогда решился продолжить.

— А про тебя... — голос его стал тише. — А про тебя, Коба, прямо сказал: человек, мол, штатский, ему этого не понять.

Сталин остановился.

— А ты, Клим, ему при всех напомнил, что он не из пролетариев? — спросил он тихо куда-то в сторону.

— Да... — голос Ворошилова сразу осел. Понял: Сталину уже всё доложили.

— Ты хотел его унижить? — повернулся лицом. — Или напомнить ему место?

Сталин говорил без раздражения. Почти с укоризной.

Он вынул трубку, медленно стряхнул пепел в бронзовую пепельницу и только после этого спросил:

— И что? Что он тебе ответил?

Сталин смотрел не на наркома — на сизую струйку дыма, лениво поднимавшуюся к потолку. Ворошилов побледнел.

— Я... думал...

— Ты не думал, — перебил его Сталин. — Ничего ты не думал, Клим. — Он отвернулся к окну, за которым глухо мерцала ночная Москва. — Ты стоял и папиросу в руках мял. Вышло — он маршал. А ты — нарком с папиросой.

Застрекотал механизм боя часов. Пробило полночь.

Двенадцать глухих ударов разлились по кабинету. Вся страна сверяла точное время.

Сталин коснулся пальцем зелёного сукна, будто поставил невидимую точку.

— Тухачевский... — произнёс он, немного растягивая слоги, словно примеряя фамилию на слух. — Талантливый военный. Очень талантливый. Но... — Он остановился у стола. — Хорошо знает себе цену.

Тяжёлый табачный запах неторопливо заполнил кабинет, оседая на гардинах.

— Привык побеждать. Это хорошо. — Сталин поднял трубку, задержал её у губ, закуривать не стал. Отложил в сторону. — Но привык, чтобы его победы признавали. Публично. На съездах. В газетах.

Он снова взял трубку, на этот раз прикурил от толстой серебряной зажигалки. Дым лениво поплыл к потолку.

— А человек, который ищет признания, рано или поздно найдёт того, кто его признает. — Сталин чуть наклонил голову, глядя куда-то поверх плеча наркома. — За границей, например.

Сел. На самый краешек тяжёлого дубового стула, как следствие, когда разговор становится действительно серьёзным.

— А скажи мне, Климент Ефремович... Много у него сторонников?

Ворошилов вытянулся почти по-строевому.

— Есть. В основном молодые командиры. Танкисты. Лётчики. Между собой называют его... — Он запнулся. — Красный Бонапарт.

— Бонапарт? — Сталин усмехнулся, но глаза остались плоскими, желтоватого цвета. — Начитались французских романов... Бонапарт, Жан Вальжан, Гаврош. — Он медленно провёл большим пальцем по гладкому мундштуку. — Да только у нас здесь своя история. Русская. — И я тебе так скажу, Клим: у нас, среди большевиков, и маршал, и простой красноармеец — прежде всего винтики одного механизма. И спрос с маршала строже. Потому что партия доверила ему больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.